

ОН ВЕСЬ—СВОБОДЫ ТОРЖЕСТВО!

Сегодня — 100 лет со дня рождения А. А. Блока

Имя Блока стоит в одном ряду с именами великих поэтов мира. В нашей литературе он продолжил плеяду корифеев русской поэзии и в сознании читателей еще при жизни занял место рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым. Его творчество оказало огромное революционизирующее воздействие на всю поэзию XX века. Владимир Маяковский считал, что поэтический труд Блока был героическим и революционным. Сегодня Блока знает весь мир, люди всех стран и континентов. Его стихи вошли в духовную сокровищницу русской и мировой культуры. Они неотъемлемы от эпохи революции и освободительных движений.

Еще в годы первой русской революции Александр Блок говорил, что Россия, «вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой».

старых зданий. В день окончания работы над «Двенадцатью» Блок записал: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг».

На страницах поэмы слышатся ответы костров, торжествующих на площадях Петрограда. Мы слышим, как печатает шаг ночной патруль, и видим, как трепещут на ветру кумачовые полотнища. Поэма донесла до нас, пройдя через десятилетия, не потускнев от времени, самый возмущенный голос эпохи, ее живые голоса, ее быт и ее пафос.

В «Двенадцать» есть слова, глядящие крупно — как на плакатах:

На братский пир труда
В последний раз на светлый
Сымают варварская лира!

Весь творческий путь Блока, начавшийся накануне первой русской революции и закончившийся вскоре после Октября, связан с революционными потрясениями.

По словам его стихов — от «Страшного мира», от «Стихов о России» до «Двенадцати» и «Скифов» — можно проследить, как неуклонно, как закономерно шел певец Прекрасной Дамы в стихию революции. Над «Соловьиным садом» его поэзия непрестанно гремела грозой небывалой силы.

любят и страдают, казалось бы, только два человека — он и она, — мы все равно ощущаем в их индивидуальной драме присутствие и влияние огромного пространства: социального, общечеловеческого бытия.

Через личные сюжетные блокковских стихотворений как бы пропущен ток высокого напряжения, но почти всегда угадываются эпоха, жизнь нации. Только у великого поэта не может сердца быть слышен так далеко.

Ты, знаящая дальнюю цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне
Мой бред, поэзию и мрак?

только хрупкость или пассивную созерцательность. Где-то в глубине его поэзии выныривает слух всегда уловит победный звон цита и звуки метких ударов тяжелого рыцарского меча.

О, весна без конца
Без конца и без края —
Узнаю тебя, жизнь!
И приветствую звоном цита!

Меч у Блока сделал из той же стали, что и лермонтовский. Блок держит его высоко поднятым над самой головою мирового зла. Он сковал и закалял его

во, а блокковский слог вошел в наш город и навсегда остался в нем. Сама того не замечая, мы, наверное, нередко видим Ленинград как бы блокковским зрением, его глазами.

Странно, но Блок жил в местах, наименее тогда поэтичных в Ленинграде, — близ Пряжки, около фабричных корпусов; он любил и хорошо знал окраины, улицы, населенные рабочим людом. Подобно Некрасову, он пишет о Сенной площади, о Забалканском проспекте, о боях, о товарищеских складах, вокзалах — о той изнанке города, который так непохож на город дворцов, золотых палисадников и ухоженных парков. Это — блокковский Питер.

«УЗНАЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ! ПРИНИМАЮ!»

Революционный держите шаг!
Врагам революции казалось кощунственным уже одно то, что апостолами нового мира поэт сделал двенадцать красногвардейцев, что, как бы встав рядом с ними, Блок благословил их «державный шаг» в будущее. И, конечно, они не могли простить ему того кумачового, бунтарского цвета, каким окрашена вся поэма. Блок отвечал им презрением. Когда в январе 1918 года ему был задан вопрос о том, может ли художественная интеллигенция сотрудничать с Советской властью, он ответил, что не только может, но и обязан. Его симпатии были на стороне большевиков. Еще накануне Октябрьского восстания, 19 октября 1917 года, он записал в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

лы, но у Блока нет стихов, в которых он пуляиво укрывался бы от свежего ветра социальной бури.

И вечный бой!
Поймай меня только снится.

Тревожный, трагический свет его факельной поэзии и до революции неустойчиво предрекал невиданные метели и войны, социальные катастрофы и революции неслыханной силы. В поэме «Возмездие» он сказал об этом с убежденностью политического аналитика и прозорливости поэта. Его вера в могучую силу России, родного народа была непреклонна. В стихах о России, в цикле о Куликовом поле он написал об этом чувстве исторически масштабно и лирически страстно.

Иль можешь лучше:
Будить мой колокол,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

Не правда ли, как полнозвучно и общественно весомо звучит это интимное признание?

Интересно вспомнить, что стихотворение написано в 1909 году — в пору политической и художественной распутицы, когда многим из интеллигентов казалось, что «шутеводительные маяки» погасли, что революция размола на всегда и Россия быстро погружается во мрак. Блок пишет о любви, но в то же время он пишет и о Родине. Мы чувствуем, как усилием воли он преодолевает распутицу, как, едва не задыхаясь, ловит он спасительный ветер Родины и подставляет под него колокола своих слов.

на раскаленном горне страданий и борьбы.

Надо сказать, что и самый стих Блока при всей его ажурности, неспешности, легкости и несомненно, когда слова удивительным образом превращаются в музыкальную стихию, — этот полувоздушный парящий стих таит, однако, внутри себя твердую, алмазную основу.

Так бей, не знай
отдохновенья,
Пусть жила жизни глубина:
Алмаз горит издалека —
Дробь, мой гневный шаг,
камень!

В этой особенности блокковского поэтического мира, сочетающего в себе воздушность пунктирности линий с твердой структурой минерала, есть, видимо, что-то от Петербурга-Петрограда-Ленинграда — города, который умеет быть одновременно нежным, туманным, зыбким и четким — гранитным, каменным, железным. Легкий, зыбкий, текущий петербургский туман, мосты, как бы лишённые опор, словно повисшие в воздухе, мутные пятна фонарей, едва просвечивающие сквозь водяную пелену. Сколько раз все это было воспоминанием Блоком, обожествлено его поэтическим словом, претворено в чарующую музыку таких же зыбких, неуловимых и прекрасных словечек.

Питер вошел в его слово.

Черный пестер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете...

Из поэмы «Двенадцать», январь 1918 г.

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громов
Смотрит месяц бледный.
Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных откосов,
Черноту навесов...

7 февраля 1914 г.

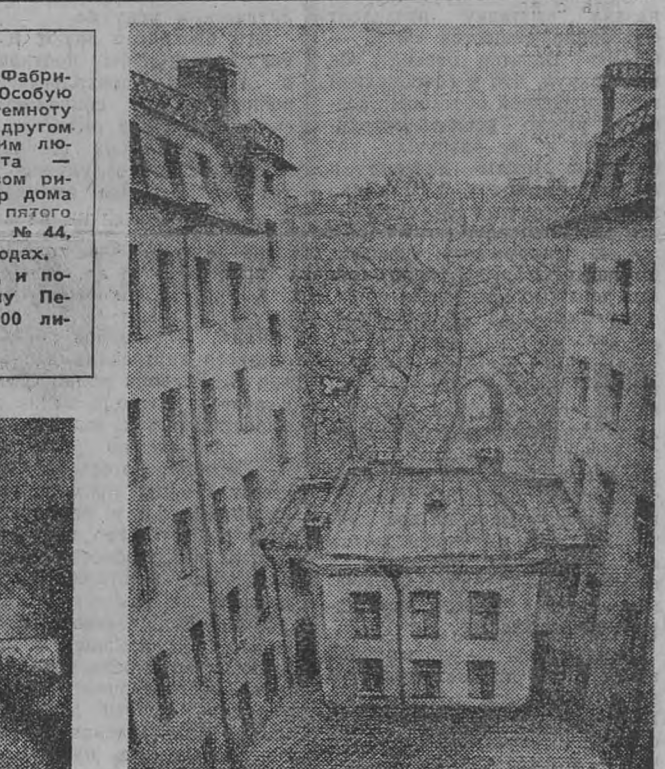
В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрывают заучивные болты,
Там — забвенья навсегда.
И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Незвонкий кто-то, черныш кто-то
Людей считает в тишине.

Из стихотворения «Фабрика», 24 ноября 1903 г.

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенья навсегда.

Ветер ледяной,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Все равно.
7 февраля 1914 г.

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белест одежда
В рассеянном свете утра.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренных крыш.
Запахать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Из стихотворения «Окна во двор», октябрь 1906 г.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

АРХИВНЫЕ документы, старинные справочники, записи далеких лет воскрешают повседневную жизнь поэта, театральные репетиции, спектакли, концерты, визиты к друзьям.

«Дивный голос твой...»

В МАРТЕ 1914 года Блок познакомился с солистой петербургского театра музыкальной драмы Любовью Александровной Дельмас. «Я смотрю на вас в «Кармен» третий раз, и волнение мое растет с каждым разом», — писал он певце. Восхищением его навеяли один из проникновеннейших циклов поэта «Кармен», написанный в эти же дни.

Знакомство перешло в близкую и длительную дружбу. По воспоминаниям певицы поэт часто заходил к ней в гости, благо жила она неподалеку от его квартиры.

Ощущение удивительного блокковского мира рождается из этих мимолетных штрихов, мелочей, каждая из которых дорога нам сегодня...

Блок восхищался Дельмас — Кармен:
Дивный голос твой, низкий и странный
Славят бурю цыганских страстей.

«Дивный голос» по счастью можно услышать и сегодня. Он сохранился в записи. В 1908 году в студии фирмы «Граммофон» в Петербурге певица напела Хабанеру из «Кармен» Бизе и Варяжскую балладу из «Рогнеды» Серова, а в 1914 году — Третью песню Леля из «Снегурочки» Римского-Корсакова. Почему так мало? «Не

ЮБИЛЕЙНАЯ ХРОНИКА

Читая пьесу...

ВЧЕРА на Малой сцене академического Большого драматического театра имени М. Горького состоялась премьера. Театр, одним из основателей которого был Александр Блок, к дням празднования 100-летия со дня его рождения осуществил постановку пьесы поэта «Роза и крест».

Пьеса эта, несмотря на стремление многих театральных деятелей воплотить ее на сцене, так и не увидела света

На снимке, сделанном с такой непривычной точки, не все сразу узнают Ленинградский государственный университет, дом (справа) 16 (28) ноября 1880 года родился Александр Блок.

СТРОКИ, КОТОРЫЕ ПОВТОРЯЕШЬ

«ПОМНИШЬ ЛИ ГОРОД ТРЕВОЖНЫЙ...»

НА МОЕМ столе — книга, вышедшая около четверти века назад: Александр Блок, «Город мой...». И подзаголовок: «Стихи о Петербурге — Петербурге». Такой книги не было у поэта при жизни. Это выдержка, вытяжка из всей его поэзии, изданная Лениздатом в 1957 году с чудесными гравюрами А. П. Остроумовой-Лебедевой, «силуэтным» портретом поэта работы Е. С. Кругликовой.

Люди нашего поколения и те, что старше нас, хорошо помнят, каким событием явилась в свое время выход этой книги. Во-первых, потому, что это было первое издание Блока после довольно длительного перерыва. А во-вторых, — и это главное — потому, что книга получила удивительно живой и цельный. Можно сказать, что перед нами история души поэта, начиная от раннего, проникнутого юношеским смятением перед жизнью стихотворения «Помнишь ли город тревожный...» и кончая великой революционной поэмой «Двенадцать».

Перечитывая сегодня эту старую книгу, читаешь только что вышедшую работу Владимира Орлова «Поэт и города», мы еще и еще раз убеждаемся, что Блок может быть, самый «петербургский», самый «петроградский» из великих поэтов нашей земли. Живут в его стихах и Нева, и «белая площадь Сената», и «Елагин мост, и два огня», и другой ленинградский мост — не названный по имени, но легко узнаваемый:

Все пребывало. Движенья,
Не было. Лошадь храпела
наек.
И на узде в напряженьи
молчалив
Вечно застывший человек.

И легко угадываются Озерки в знаменитой «Незнакомке», а еще более — в ее втором, позднем, менее известном, но может быть, не менее выразительном варианте:

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицезет остер —
Над пылью солнечных озер,
Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижная заря...

И есть поразительный «кадр» (иначе не скажешь!) в стихотворении «Еще прекрасно серое небо...»:

И в небе сером холодные
светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном на даст
ответа,
Пока не застигнет его заря...

К «латнику в черном» сам Блок сделал примечание: «статуя на крыше Зимнего дворца». Очень уж непривычной была такая «точка съемки» для тогдашнего читателя! Лишь

В канун Нового года

В НАЧАЛЕ нынешнего столетия в доме № 39 по нынешней улице Декабристов (тогда перестроено) существовало театральное предприятие «Лилия-парк». В сезон 1906 года В. Ф. Комиссаржевская сняла это помещение для своего театра.

Пост главного режиссера занял только что приглашенный В. Э. Мейерхольд. Он выступал против натурализма и ру-

тины на сцене. Осуществлению его стремлений помогла работа над пьесой молодого тогда А. Блока «Балаганчик». Она родилась при нескольких редакциях журнала «Факел» под редакцией поэта. Как хорошо бы ее найти...

Блок дал согласие. «Балаганчик» был написан за два месяца.

С. ГУТКЕВИЧ